

Гу Цин застыл. Он долго бродил на пронизывающем ветру и совсем продрог; губы онемели от холода, и когда Мэй Цзибай прикоснулся к ним своими... это было неожиданно мягкое, согревающее прикосновение.

Он и в мыслях не допускал, что Мэй Цзибай решится его поцеловать.

Заметив, что юноша оцепенел, а его колючий нрав немного смягчился, Мэй Цзибай обнял его за плечи и увлек в машину. Он кивнул Сюэ Минтао, подавая знак ехать домой. Прежде всего нужно было успокоить Цинцина. Оказавшись в родных стенах, они смогут все обсудить — пока этот невозможный мальчишка рядом, любой конфликт можно уладить.

Сюэ Минтао прекрасно знал, когда стоит промолчать. Ему было достаточно понимать одно: Гу Цин значил для его босса гораздо больше, чем кто-либо другой.

Мэй Цзибай плотно укутал Гу Цина пледом и, высвободив руку, отправил сообщение Лю Синь, чтобы та приготовила имбирный чай. Стоило ему отложить телефон, как он почувствовал, что Гу Цин пытается убрать его ладонь со своей талии, неловко перебирая его пальцы.

Он лишь крепче прижал юношу к себе.

— Не вертись, — голос Мэй Цзибая звучал низко и властно. — Ты только недавно поправился. Если хочешь особого отношения, можешь просто сказать, не обязательно доводить себя до такого состояния.

Гу Цин уловил в его тоне скрытый гнев. Он еще не до конца пришел в себя после поцелуя и не знал, что ответить. Когда Мэй Цзибай вот так властно обнимал его, все попытки сопротивляться казались жалкими. Гу Цин затих, съезжившись под пледом, словно перепел.

«Это Мэй Цзибай-то злится? Да это я должен злиться!» — пронеслось в голове у Гу Цина.

Разговаривал бы по-человечески, зачем было лезть с поцелуями?

Он ведь даже не принял его признание!

Едва машина остановилась у дома, Гу Цин первым выскочил наружу. На этот раз он вел себя благоразумно: не стал сбрасывать пальто и плед, а послушно зашел внутрь. Под пристальным взглядом Мэй Цзибая он выпил две чашки обжигающего имбирного чая. Тело постепенно согрелось, а вместе с ним «оттаяли» и мысли.

Когда Лю Синь и остальные слуги разошлись, в столовой остались они вдвоем. Гу Цин вертел в руках чашку с остатками чая. Он искоса взглянул на Мэй Цзибая, а затем снова уткнулся взглядом в дно чашки.

— Ты не хочешь ничего спросить? Или, может... — он замялся. — Объяснишь сначала, что значил тот... поцелуй?

Мэй Цзибай сел рядом. Глядя на Гу Цина, который все еще выказывал явное нежелание сближаться, он произнес:

— Мама наверняка наговорила тебе кучу неприятных вещей. Твой гнев вполне оправдан, но я знаю: как бы сильно ты ни злился, ты бы не стал распускать руки. Я верю тебе.

Гу Цин удивленно посмотрел на него.

— Ты делаешь такие выводы, даже не спросив, о чем мы говорили?

— Мои суждения основаны на том, что я знаю о тебе и о ней, — Мэй Цзибай сделал паузу. — У матери есть свои претензии к тебе, я это знаю. Я пытался поговорить с ней, но укоренившиеся образы меняются долго. Учитывая, что мы живем отдельно и вы почти не общаетесь, этот процесс может затянуться.

Гу Цин часто заморгал. Доверие Мэй Цзибая было настолько безграничным, что он почувствовал себя польщенным.

— А как же твоя мама?.. Она ведь...

Мэй Цзибай не стал рассказывать, что они с Е Ваньжун расстались на весьма тяжелой ноте.

— Я поговорю с ней еще раз. У нее предвзятое мнение. Пока она видит тебя редко, мои слова о твоих переменах для нее — пустой звук.

Он мягко накрыл ладонью руку юноши.

— Цинцин, при следующей встрече постарайся поговорить с ней спокойно. Если она действительно узнает тебя нынешнего, увидит, как ты изменился, она не сможет вечно держаться за свои старые предубеждения.

«Предубеждения...» — Гу Цин глубоко вздохнул. Мэй Цзибай выражался изящно, но суть была проста: это была та же слепая неприязнь, которую он сам когда-то испытывал к Мэй Цзибаю.

— Если она не будет говорить гадости, я... я постараюсь поладить с ней, — Гу Цин повертел чашку в руках. — Я ведь решил добиваться тебя, и хочу, чтобы это было на всю жизнь. Она твоя мать, и я буду бороться за ее признание. Но если совсем ничего не выйдет, я...

— Не давай себя в обиду, — перебил его Мэй Цзибай, сжав его ладонь.

Гу Цин поджал губы и, спустя долгое время, едва заметно кивнул:

— Ну да. Если не смогу поладить — буду просто держаться подальше.

— И что ты сделаешь, если она снова захочет встретиться с тобой? — спросил Мэй Цзибай.

— Сначала найду тебя, — буркнул Гу Цин. — Будем ходить к ней только вдвоем. Я не хочу оставаться с ней один на один. Знаешь ли, характер у меня не сахар, если вспыхну — могу наговорить такого, о чем потом пожалею.

— Иметь характер — это хорошо, — Мэй Цзибай невольно улыбнулся. — Вот если бы ты стал совсем уж тихим и покорно сносил любые упреки, я бы всерьез обеспокоился, куда подевался настоящий Гу Цин.

Гу Цин негромко фыркнул, стараясь скрыть улыбку. Он поставил пустую чашку на стол и вернулся к главному:

— Так что там с поцелуем?..

Голос Мэй Цзибая стал тише.

— За это я должен извиниться. В какой-то момент... мне показалось, что я увидел в тебе тень того человека... Это случилось, и в качестве компенсации я готов выполнить любую твою просьбу. Проси что угодно, если это в моих силах — я сделаю.

В голове у Гу Цина словно молния сверкнула.

«Тень Юй Цзиньняня?» — его бросило в холодный пот. Он прикрыл лицо руками, чувствуя, как внутри все переворачивается. Что за дурацкая ситуация?!

Значит, это был порыв чувств, который он вовремя остановил? Всего лишь прикосновение губ, без продолжения... Но как на это реагировать? Соглашаться на роль собственного двойника или нет?

Мэй Цзибай смотрел на «ежика», который явно пребывал в крайнем замешательстве. Он ласково потрепал юношу по макушке:

— Цинцин, то, что ты любишь меня, не дает мне права на подобные вольности.

Гу Цин поднял голову, выражая целую гамму сложных чувств.

— Я не злюсь, честно. Но пока ты не полюбишь именно меня, больше так не делай.

— Хорошо.

Гу Цину стало неловко до крайности. Он кашлянул:

— Ну это... пойдём поедим? Я проголодался ужасно. А потом хочу пораньше лечь спать.

Ужин прошел в тишине. Сразу после еды Гу Цин поспешил скрыться в своей комнате. Мэй Цзибай долго смотрел ему вслед, и лишь тяжелый, беззвучный вздох сорвался с его губ.

Он мог бы прямо сейчас выложить перед Гу Цином все результаты расследования. Доказательств того, что перед ним не «Гу Цин», а «Юй Цзиньнянь», было более чем достаточно. Но это не пошло бы на пользу ни их отношениям, ни самому любимому человеку.

Мэй Цзибай хотел, чтобы Гу Цин сам все рассказал. Искреннее признание означало бы, что юноша перешагнул через свои страхи и готов к новому началу.

Он готов был ждать. Но ожидание порой становилось невыносимым. Тот поцелуй... он действительно не сдержался. И, по иронии судьбы, возможно, именно этот случай заставит Гу Цина задуматься о честном разговоре.

А вот с матерью придется общаться долго.

Оба этих человека были ему дороги. С Гу Цином было проще — тот хотя бы прислушивался к его словам. Е Ваньжун же, даже действуя из лучших побуждений, не привыкла отступать.

Но в конце концов, чувства Гу Цина к нему не означали, что парень должен терпеть унижения. Нападки матери — это его, Мэй Цзибая, ответственность.

Вспомнив о предстоящем событии, Мэй Цзибай чуть смягчился взглядом. Нужно пробовать снова и снова.

В половине одиннадцатого вечера он закончил просматривать записи с камер наблюдения из старого поместья. Камера в кабинете запечатлела всё в мельчайших деталях, подтвердив его догадки: Гу Цин не сделал ничего предосудительного, а вот слова Е Ваньжун явно вышли за рамки дозволенного.

О существовании камер в кабинете знали только он и его отец, Мэй Гуанци.

Мэй Цзибай все еще размышлял, как подступиться к матери, когда в дверь постучали. По характеру и ритму стука он сразу понял, что это Гу Цин. Что привело его в такой час — он даже не догадывался.

Гу Цин честно пытался уснуть после горячей ванны. Но проворочавшись больше часа, понял, что сон не идет, несмотря на усталость.

Раз сна нет, он решил поймать Мэй Цзибая на слове. Наскоро соорудив кое-что на кухне и заверив перепуганную Лю Синь, что его стряпня вполне съедобна, он отправился к президенту.

Когда дверь открылась, Гу Цин приподнял поднос и ослепительно улыбнулся:

— Ты ведь сказал, что выполнишь любую просьбу? Составь мне компанию за поздним ужином — это и будет твоей компенсацией.

Мэй Цзибай перевел взгляд с подноса, на котором красовались две абсолютно одинаковые порции «ночного перекуса», на Гу Цина. Выглядело блюдо сносно, но пахло как-то странно. Заметив вызов во взгляде юноши, Мэй Цзибай лишь обреченно усмехнулся и отступил, пропуская его:

— Заходи. Я привык держать слово.

Они сели друг напротив друга и в полном молчании разделались с трапезой. Когда палочки были отложены, Мэй Цзибай с невозмутимым видом поднялся и налил два стакана воды. Один он протянул Гу Цину.

Юноша залпом осушил стакан и облегченно выдохнул. Собрав тарелки, он направился к выходу, не забыв пожелать Мэй Цзибаю спокойной ночи.

Проводив его взглядом, Мэй Цзибай невольно поморщился.

С продуктами всё было в порядке, блюдо не было сырым... просто вкус оказался... незабываемым. Из тех, что помнишь всю оставшуюся жизнь.

Спускаясь вниз, Гу Цин чувствовал небывалую легкость. Он даже начал напевать что-то себе под нос, безбожно фальшивя. Он сам вымыл посуду и прибрался на кухне, не подпуская Лю Синь.

— Господин Гу, — Лю Синь всё еще пребывала в легком шоке, — господин Мэй к вам... удивительно снисходителен. Даже маленькому господину таких поблажек не выходило.

Мэй Цзибай, человек железной дисциплины, из-за Гу Цина уже не раз нарушал свой график. И

дело было не только в ночных перекусах — он менялся и уступал во многом.

Сам Гу Цин не считал это чем-то особенным. Вытирая руки, он задумчиво произнес:

— Он и впрямь во многом мне потакает. Иногда я сам не верю, что он соглашается. Вот как сегодня с этим ужином... Я же готовил его просто чтобы выпустить пар. Когда у меня плохое настроение, получается «адское варево» — выглядит красиво, а есть невозможно.

Он бы и сам это съел, не пропадать же добру.

Стуча в дверь к Мэй Цзибаю, он был готов к отказу. Не беда — сам бы уплел обе порции, просто объелся бы, и всё. Но Мэй Цзибай согласился. На самом деле, Гу Цину не нужна была компенсация.

Ему просто хотелось, чтобы тот побыл рядом.

А что до слов о «тени Юй Цзиньняня»... тут уж ничего не попишешь. Когда он был в теле Цзиньняня, он много притворялся перед Мэй Цзибаем. А сейчас он ведет себя естественно. Почему же они кажутся похожими?

«Наверное, минутное наваждение, — успокаивал он себя. — Всё-таки душа-то одна».

Убедив себя, что всё в порядке (кто в здравом уме поверит в перерождение?), Гу Цин настроился на позитив. Может, Мэй Цзибай поцеловал его просто потому, что тот ему симпатичен, и он сам этого еще не осознал?

После всех этих треволнений он заснул как убитый и проснулся только тогда, когда в комнате зазвучала тихая, умиротворяющая фортепианная мелодия будильника. Гу Цин сладко потянулся.

Решено: на выходных, когда он будет варить суп, нужно будет приготовить что-нибудь по-настоящему особенное.

О поцелуе оба больше не вспоминали.

Когда же Мэй Цзибай сообщил, что празднование дня рождения Гу Цина пройдет в старом поместье семьи Мэй, первой реакцией юноши было неверие. Он решил, что тот шутит. Но быстро понял: Мэй Цзибай не стал бы так шутить сразу после скандала с Е Ваньжун. Праздник в родовом гнезде означал неизбежную встречу с его матерью.

— Ты всё правильно расслышал, — терпеливо повторил Мэй Цзибай. — В пятницу твой день рождения. У нас не было свадьбы, и нам нужен официальный повод, чтобы представить тебя

обществу. Твой праздник — лучший момент для этого.

— Но... у нас ведь просто деловой брак...

— Брак, пусть и деловой, должен выглядеть убедительно.

«Звучит логично», — подумал Гу Цин. Разводиться через пару лет он не собирался, он метил на «долго и счастливо». Так что громкое заявление о себе было кстати. Пусть все любительницы чужих мужей, считающие, что он «не чета» Мэй Цзибаю, посмотрят, как они близки.

Он решительно кивнул:

— Мне нужно как-то по-особенному подготовиться?

Праздник в поместье — это высокий уровень, не просто дружеские посиделки. Он не хотел ударить в грязь лицом и опозорить семью Мэй.

— Мама возьмет все хлопоты на себя, так что не волнуйся.

Гу Цин одарил его взглядом в духе «ты точно не бредишь?». Они ведь только что едва не стали врагами.

Мэй Цзибай рассмеялся, глядя на его выражение лица, и легонько ущипнул его за щеку.

— Я уже поговорил с ней. Она постарается наладить с тобой контакт. Тогда она просто всплыла, а когда остыла — поняла, что была неправа.

Гу Цин сохранял скептический настрой вплоть до самого вечера.

Но когда они прибыли в поместье и Е Ваньжун лично вручила ему подарок, его удивлению не было предела.

Она была в элегантном вечернем платье в пол, как всегда, величественная и статная, разве что в голосе чувствовалась легкая натянутость.

— В прошлый раз я повела себя непозволительно. Прошу меня извинить. С днем рождения.

Гу Цин переглянулся с Мэй Цзибаем, затем поблагодарил Е Ваньжун. Стоило ей отойти, он легонько ткнул мужа локтем в бок:

— И что ты ей такого наговорил?

Мэй Цзибай лишь загадочно улыбнулся. Время рассказывать правду еще не пришло.

— Посмотри, что внутри. У мамы всегда был безупречный вкус.

Гу Цин неспешно открыл футляр. Внутри на бархатной подложке сияла брошь с фиолетовым сапфиром — лаконичная и изысканная.

Заметив, как загорелись глаза юноши, Мэй Цзибай понял, что угадал: тот всё еще обожал всё блестящее.

— Позволишь, я надену? Ей будет приятно увидеть, что подарок тебе по душе.

Гу Цин кивнул. Пока Мэй Цзибай бережно крепил брошь к лацкану его пиджака, на губах юноши сама собой расцвела улыбка.

Закончив, Мэй Цзибай поправил ему воротник и уверенно взял его за руку, глядя на шумный, полный гостей зал.

— Идем. Сегодня твой вечер.

Гу Цин с трудом сдержал ликующую улыбку и шагнул вслед за ним. Будущее виделось светлым, и всё, казалось, только начиналось.

<http://bllate.org/book/17544/1714006>